

УЧИТЕЛЬ, ПЕРЕД ИМЕНЕМ ТВОИМ...

Лето 1933 года. Группа ребят одного из детских домов, выехавших в район Обнинск на дачу, купалась на реке. Один из мальчишек, накупавшись до посинения, вылез на берег и начал бегать, стараясь разогреться. К берегу подъехала телега, на которой сидел мужчина и мальчик, видимо, его сын. Они распрягли лошадей и, взяв по мольберту, разошлись в разные стороны. Подтягивая мокрые трусы, мальчишка с любопытством забежал за спину художника: чего они тут рисуют?..

— Тебя как звать? — обернулся к нему мужчина.

— Володя.

— А можешь ты, Володя, постоять вон там немного, вот так, пока я тебя нарисую?

— Могу, — ответил, шмыгая носом, Володя.

— Ну и прекрасно. Пойди, друг, будь любезен.

Мальчишка принял нужную позу. Товарищи его повскакивали из воды и окружили художника: Ого, вот это да!.. Вовка!.. И, правда, похож!..

А Вовку переполняла гордость, и он сгорал от нетерпения взглянуть на свой портрет. Потом художник дал всем по яблоку и предложил юному натурщику поехать к нему домой на несколько дней.

— Я поехал бы, да меня не отпустят, — с грустью протянул он, — А может убежать совсем из детдома?.. — предложил он авантюристический план.

— Убегать не надо, — засмеялся художник, — я вот напишу записку вашему директору, а ты ее снесешь. Согласен?

— Согласен, — обрадовался мальчик.

Через минуту он летел к детдому, забрасывая к спине голые пятки. А еще через несколько минут ликующий мальчишка ехал в телеге к художнику в гости.

Настала осень, и детский дом переехал в Москву. А через некоторое время с мальчиком случилось несчастье, он попал в автомобильную катастрофу и получил сразу 14 переломов рук и ног. Врачи безнадежно покачивали головами: мальчик словно побывал в мясорубке, нет, они не могут ручаться за его жизнь...

И вновь пришел художник. Он позвонил куда-то, с кем-то разговаривал, добился, что мальчика стал лечить лучший хирург Москвы.

Володя лежал весь в гипсе, свободно было лишь лицо. Ночью, когда ему становилось невыносимо жалко самого себя, он плакал и слезы, которые текли по лицу, он не мог утереть, так как руки не сгибались, закованные в панцирь гипса. И каждый день он ждал художника, высокого и доброго человека, которого он хотел бы называть отцом.

Он приезжал к мальчику часто, один или с женой, привозил фрукты и рассказывал интересные исто-

С вечера памяти П. П. Кончаловского

рии так, что мальчик на время забывал, что он болен. Однажды художник нарисовал его скелет и места переломов: «Когда у тебя не останется ни одного из них, — он затупеет их один за другим, — тогда тебя выпустят, и ты снова сможешь придти к нам. Поэтому быстрее поправляйся».

Мальчик и так изо всех сил торопился стать здоровым и придти к своим новым друзьям, дом которых для него стал самым дорогим на свете. Шесть месяцев мальчик провел в постели. Потом ему разрешили ходить на костылях. Прошло еще полгода. Врачи шутили, что теперь он собран заново. И это было недалеко от истины. Теперь с ними смеялся и мальчик. Наконец, он смог без костылей придти в дом к художнику. По этому случаю ему здесь было устроено торжество, как равноправному члену семьи. Здесь он впервые взял в руки кисточку и встал к мольберту.

Через много лет этому мальчику суждено было стать заслуженным художником РСФСР Владимиром Ивановичем Переяславцем. А мужчина, который проявил к нему столько забот, был народный художник РСФСР Петр Петрович Кончаловский. Этот эпизод из своей жизни рассказал Переяславец на вечере, посвященном 100-летию со дня рождения П. П. Кончаловского.

Дочь Петра Петровича Наталия Петровна Кончаловская прочитала отрывок из своей книги «Кладезь памяти», ее брат — Михаил Петрович Кончаловский рассказал о создании представленных здесь картин отца из собрания семьи. Некоторые неизвестные ранее черты характера П. П. Кончаловского раскрыл его внук, режиссер Андрей Михалков-Кончаловский:

«Сейчас, вспоминая свое детство, большой дом Кончаловских, мне с трудом верится, что все это было на самом деле. Это словно прекрасный сон, словно увлекательная книга, как «Детство» Льва Николаевича Толстого. Гостей, помню, в доме нередко было больше, чем хозяев, поэтому обед варили, казалось, на целую армию, салаты, например, приготавливались в огромном тазу, вообще все там было больших размеров и в большом количестве... После обеда мы, дети, ползали по Петру Петровичу, как по Гулливеру. Он никогда с нами не сюсюкал, а разговаривал, как со взрослыми, уважая наше мнение и наши желания. И это необыкновенно привязывало к нему детей. Дом Кончаловских был полон «поэзии, музыки, красок и не приоб-

щиться к ним было просто невозможно».

Заслуженный художник РСФСР Виктор Иванович Иванов сказал: «Для нас, молодых художников, мастерская Петра Петровича была святым местом. Но здесь, в этом алтаре искусства не было того угнетающего чувства, сознания собственного ничтожества, которое испытывает человек перед богами, а было радостное, чудное сознание того, что и ты сам становишься значительнее, талантливее, поэтически тоньше, чем есть на самом деле».

У Петра Петровича было несколько картин итальянского цикла, где оставалось несколько белых пятен. Он их объяснял тем, что холст в этих местах разрушается, и предложил нам, начинающим художникам, дописать их. Я был поражен, поскольку знал, как ревниво относятся к своим работам художники. А он ходил по мастерской, огромный, бесконечно добрый и мудрый, как Лев Толстой, и давал советы, словно мы не дописывали его работы, а набрасывали свои эскизы».

Народная артистка РСФСР Вера Георгиевна Дулова вспомнила о том, как она трижды позировала Петру Петровичу, как был создан известный «Портрет В. Г. Дуловой», хранящийся сейчас в Русском музее. Помню, — рассказывала Дулова, — во время сеанса к Петру Петровичу подошла его жена Ольга Васильевна и сказала: «Петя, сделай ей большие бриллианты. Арфа и бриллианты — прекрасно». А у меня тогда в ушах были маленькие яркие бусинки. Так вот и оказалась я в Русском музее с громадными бриллиантами.

Однажды я с семьей Петра Петровича и с Коненковым, оказавшимся здесь же, поехала в ресторан. Сейчас, он, кажется, называется «Русская кухня». В ресторане мне не понравилось: какая-то роспись в декадентском стиле, какие-то обнаженные фигуры. А Кончаловский и Коненков крутят головами и вспоминают: «Вот это ты делал, а вот это — я». Наталия Петровна объяснила мне, что когда они были бедными студентами, то с Коненковым расписывали это помещение».

В. Г. Дулова исполнила на арфе любимое произведение Петра Петровича — сонату Шуберта для фортепьяно и арфы, любимые произведения П. П. Кончаловского были исполнены певцами, музыкантами, чтецами.

Вечер оставил у каждого участника прекрасное, светлое чувство, и как при расставании с дорогим и бесконечно хорошим человеком у каждого было слегка грустно на душе.

Е. ЕЛАНСКИЙ.